

содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

— 5 —

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

— 13 —

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

— 79 —

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

— 157 —

предисловие

Передо мной на полке, нависающей над рабочим столом, 13 энциклопедических томов в тысячу страниц каждый знаменитой Encyclopædia of Religion and Ethics, изданной под редакцией Джеймса Хастингса в Эдинбурге в 1911–1918 годах. Постоянно со мной в работе и 14-томная Encyclopedia of Religion, вышедшая под редакцией Мирча Элиаде в 1987 году и переизданная его учениками с дополнениями в 2005-м. Много и иных многотомных изданий по религиеведению (именно так, через «е», правильно писать по-русски это слово), написанных на многих языках. А сколько специальных энциклопедий по буддизму, исламу, христианству, индуизму! История религии — одна из самых объемных по сумме

и разнообразию знаний областей истории культуры. В МГИМО мой курс «История религиозных идей» занимал четыре семестра, а в Православном институте святого Иоанна Богослова — восемь семестров еженедельных занятий. Можно ли рассказать об этой науке на немногих страницах, в трех лекциях? Не бессмысленная ли это задача?

Но такой опыт у меня был. В 1993 году меня пригласили в Екатеринбург прочесть максимально краткий курс «От палеолита до ислама». Я, быть может самонадеянно, согласился. Я помнил старый академический принцип — если ты не умеешь изложить сложный и объемный вопрос просто, коротко и доступно для непрофессионала, то значит, ты еще не владеешь своей наукой. Тогда, почти четверть века назад, я был более самоуверен, чем сейчас, и вызов принял. Его результатом и стали эти лекции по истории религии. Как ни странно, этот «кратчайший курс» вызвал большой интерес.

Возможно, это объясняется тем, что история религии была в нашей стране

tabula rasa в десятилетия всевластия «научного атеизма». Другие области культуры — изобразительное искусство, философия, музыка, литература — более или менее, но изучались. Религия (за исключением узких специальных, да и то полуподпольных исследований) не изучалась вовсе. Она только опровергалась. В нашем обществе в отношении религии царил настоящий когнитивный голод. Конечно, моя книжечка не могла напитать, но она могла дать возможность ощутить вкус пищи и направить алчущих к более глубоким и серьезным изысканиям.

За прошедшие четверть века в области религии многое изменилось. Она превратилась в законный элемент жизни нашего общества. Но при этом произошло и смешение религии как жизненной практики и истории религии как культурологической научной дисциплины. Под именем «Основы религиоведения» очень часто происходит простая катехизация, то есть научение основам той или иной веры. А как альтернатива такой, безусловно, не имеющей ничего общего с наукой педагогике продолжает

преподаваться старый советский «научный атеизм», только облеченный в модные одеяния религиоведения. Сама же суть истории религии — во что верили и как осуществляли свою веру люди разных культур в течение жизни человечества и как люди верят ныне — всё это слишком часто оставалось «за кадром».

Меня же всегда волновала плоть веры, интересовало то, как на предельные бытийные вопрошания отвечали и продолжают отвечать последователи различных религий и культур. При этом я стараюсь свое личное отношение к этим вопросам оставить вне анализа: для лекции по религии Древнего Египта — стать египтянином III тысячелетия до Р. Х., для лекции по исламу — быть как мусульманин. Мне бесконечно близка еще одна старинная истина — чтобы понять что-то, надо прежде полюбить это. А любовь, что это, как не слияние, сущностное или по крайней мере интеллектуальное?

Когда издательство «Альпина нон-фикшн» предложило мне вновь издать «Лекции по истории религии», я с благодарностью согласился. Хотя за последнюю четверть века

появилось много прекрасных книг по различным религиям, как переводных, так и написанных отечественными учеными, потребность в очень кратком предисловии ко всей истории религии осталась.

Пусть же эта книга станет вашим путеводителем в замечательном городе религии, который человек возводит с тех пор, как осознал себя человеком.

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ РЕЛИГИИ

*Екатеринбург,
декабрь 1993 года*

лекция первая

Дорогие друзья, благодарю вас за возможность встретиться и провести несколько бесед в столице Урала, древнем и прекрасном городе Екатеринбурге. Ведь для всех нас возможность встречаться друг с другом — одна из самых главных не только чисто человеческих, бытийных, но и религиозных задач.

Дело в том, что человек всегда, с тех самых пор, как стал человеком, страдает от двух страшных врагов, которые совершенно реальны и с которыми приходится жить лицом к лицу. Один — наша конечность, наша смерть. Думаю, никто из нас не сомневается ни на йоту, что его земное пребывание однажды прекратится. С тех пор, как человек живет на земле, он несет в себе это знание. Но с этим соединяется и иное знание: безумное, невероятное и такое же всеобщее. Маленький ребенок не имеет понятия ни о религии, ни о Боге, но, если вы его спросите, будет ли он жить вечно, не задумываясь, он скажет «да». Он

не знает смерти — как не знает ее душа. Душа в глубине своей говорит, что мы бессмертны. А реальный опыт жизни убеждает нас в обратном — это первое раздвоение и первая большая трагедия человека. Вторая, преодолением которой мы сейчас занимаемся, — это трагедия человеческой отчужденности. О ней меньше говорят, хотя, в сущности, она так же очевидна.

Что такое отчужденность? Каждый из нас в глубине души ощущает себя таким, как все: любой человек подобен мне, потому мы и можем говорить друг с другом, общаться, дружить, вступать в брак и рожать детей. Потому что мы — одно, мы — единое целое. И в то же время начиная с детства, с детских огорчений, каждый знает и то, что враги человеку — ближние его, и среди самых близких людей: родственников, друзей, сослуживцев, да и очень часто в семье — с женой, мужем, детьми человек чувствует себя бесконечно одиноким. Общего языка не существует. Всегда кажется, что это какая-то ошибка, нонсенс. Но так живет все человечество, и этот нонсенс проявляется не только в личных отношениях. Войны, взаимная

ненависть, миллионы жертв социальной или политической вражды, межнациональных конфликтов за всю историю человечества говорят нам, что люди действительно друг другу враги. В то же время в глубине души мы знаем, что каждый человек подобен нам и все мы — некое единство. Мы стремимся к любви и не получаем ее — это второй наш огромный опыт. Мы с вами будем пытаться его преодолеть; мы вообще должны преодолевать отчужденность. Позвав к себе соседку: «Пойдем вместе выпьем чаю», вы можете разговаривать о самых простых вещах — что показывали по телевизору, что писали в газете, почему нынче масло — тема не важна. Самое главное — то общение душ, которое при этом происходит, оно гораздо важнее тем. Один из крупнейших современных русских философов, с кем мне в юности довелось общаться, как-то сказал: «Давайте собираться и просто пить чай. Не надо выдумывать глубокие темы для разговоров. Если эти темы придут, они придут сами. Самое главное — общение».

Так вот, эти две задачи, преодоление смерти и преодоление отчужденности,

появились не вчера, не позавчера и не тысячу лет назад. Человек сосуществует с ними всегда: с тех пор, как ощутил себя *homo sapiens*, то есть человеком мыслящим. Сотворение человека — великая тайна; библейский рассказ дает нам только канву, стержень: он в том, что человек сотворен не просто из земли, как животные, а по образу и подобию Божию. «Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» — говорится в Книге Бытия (Быт. 1:26). Все религиозные традиции мира согласны в том, что человек несет в себе нечто Божественное. Преодоление стоящих перед ним проблем, великих и страшных, и есть религия. Многие из вас, я уверен, знают происхождение слова «религия». Оно латинское и происходит от глагола *religo* со значением «воссоединять, вновь связывать». Кстати, наше слово «вера» очень похоже по своему внутреннему смыслу: оно восходит к древнему индоевропейскому корню со значением «вить» и родственно санскритскому слову «варатра» — «веревка, канат». Вера — то, что связывает или воссоединяет человека с Богом. А зачем

человеку это воссоединение и вообще, зачем человеку Бог?

Вот многие считают — и нас так учили в советской школе, — что люди довольно поздно создали себе религию. Как полагают марксисты, религия — это продукт ощущения нашей беспомощности перед силами природы. И отчасти они правы. Мы действительно беспомощны — только не перед дождями и извержениями вулкана, не перед холодом и жарой; для борьбы с ними у человека имеются кое-какие средства. Мы и сейчас так же беспомощны перед отчужденностью друг от друга и перед нашей конечностью, как в тот день, когда первый человек ступил на землю. Мы нимало не приблизились к решению этой задачи. Видимо, человеку это не по силам. И именно поэтому он ищет связи с тем, что имеет власть над смертью и разделенностью. Это нечто находится по ту сторону смерти и разделенности, оно бессмертно и целостно. Это бессмертное и целостное создало существующий мир. Древний человек — равно как и мы с вами, если рассуждаем разумно, — прекрасно знал, что у любой вещи есть

причина. Он это понял, когда стал существом думающим, а до этого, наверное, и понимать не надо было; но как только возник интеллект, люди должны были осознать, что не только, скажем, у животного есть причина — его родители, не только у рубила есть причина — мастер, который его сделал, не только у рисунка — художник, который его нарисовал, но и у всего мира есть причина — Тот, Кто его создал. С Ним связываются упования людей на бессмертие и целостность. И возникает религия.

Зададимся вопросом: когда это произошло? Ответить на него современная наука не в состоянии, но и то, что мы можем с определенностью сказать, значительно.

Религия относится к той сфере человеческой деятельности, которая называется духовной. Духовная деятельность теряется для потомков, если она не отражена в конкретных памятниках. Чтобы понять, каков был духовный мир, например, древнего грека, мы должны открыть книгу — Гомера, Гесиода. А что мы откроем, чтобы понять, каким был духовный мир древнего

доисторического человека? Он не писал (письмо появилось очень поздно) и даже — в древнейшую эпоху — не рисовал: по данным палеоантропологии, науки о древнем человеке, живопись появилась где-то 35 тысяч лет назад, а человек существует намного дольше. Как же нам понять духовный мир доисторического человека? Для нас это очень важно, потому что только тогда мы сможем сказать, присуща ли религия, вера человеку имманентно, то есть внутренне, или нет. Но мы располагаем скуднейшими, ничтожными памятниками — малым количеством материальных остатков, которые являются лишь отпечатками, частичками бывшего духовного мира. И все же из-за одной лишь скудости источников считать, что древний человек был духовно примитивен, у нас нет оснований. Несомненно, примитивны были технологии, орудия труда. Но кто и когда доказал, что духовный мир человека и его техническая оснащенность идут рука об руку?

Мы привыкли жить в более или менее удобно устроенном нами и нашими отцами мире. И даже не замечаем, что создали

полностью искусственную среду: живем в домах, носим одежду, пользуемся многочисленными орудиями. И все это искусственно создано для того, чтобы отгородиться от мира естественного. Так поступает только человек; будь он животным, приспособлялся бы к окружающей среде, а он, наоборот, приспособливает мир под себя. Почему мы, единственные, создаем искусственный мир обитания? Никому еще не удавалось объяснить этот удивительный факт, пользуясь одними научными данными или философско-научными рассуждениями. Всех нас учили в школе, что труд сделал из обезьяны человека, но мы не задумывались при этом: что такое труд? А труд — это то, что создает искусственную среду, то, что преобразует мир. Не труд сделал из обезьяны человека, а нечто в человеке заставило его трудиться. Самый важный и интересный вопрос: что заставило человека трудиться и преобразовывать мир?

Примитивнейший первый инструмент — каменное орудие австралопитека (по современным палеоантропологическим датировкам, сделанное чуть ли не два с половиной

миллиона лет назад) оказывается намного ближе к сложнейшим компьютерным системам, чем к животному миру. Потому что каменное орудие есть средство преобразования среды, только для того оно и сделано; потом стали использовать огонь, потом — сооружать жилища, и пошло развитие орудий труда до нынешнего дня. Если любое животное все больше и больше приспосабливается к среде, то мы все меньше к ней приспособлены. Оставьте человека, лишенного своей удобной цивилизационной оболочки, обнаженного, где-нибудь посреди уральской тайги — долго он там не продержится. А животное выживет и еще спасибо скажет, что его отпустили.

Так что же побудило человека пойти совершенно иным путем? Это первая религиозная загадка. Возникает ощущение, что человек воспринял этот мир не как свой родной, а как чужой, от которого он должен себя отделить, отдалить. Это легко понять, если мы вспомним, что он попал в земной мир в результате какой-то великой катастрофы. Христианская традиция именует ее грехопадением. Человек был изгнан

в мир, и проклята была земля за человека. Оказавшись в проклятом мире, еще ничего не умея и не имея навыка здешней жизни, хождения в тяжелых кожаных ризах, с самой первой минуты он преобразует этот мир, меняет его. И чем дальше, тем больше.

В сущности, перед человечеством стоят две задачи: приспособление мира к человеку и возвращение души к Богу. Они не противоположны: как существо естественное человек должен жить в мире, но как существо духовное он должен разрешить проблему отторгнутости, отчужденности от Своего Творца, воссоединить себя с Богом. И мы видим, что с глубочайшей древности человек движется по этим двум путям. Примем как истину, как факт, что библейская идея грехопадения человека истинна — сам я в это глубоко верю, но никому своих взглядов не навязываю. Какие выводы мы получим из этой посылки в чисто научном плане? Ниспадший, изгнанный на землю человек, безусловно, сохраняет память о рае, сохраняет духовное ведение Бога, пусть и искаженное грехом, и в этом смысле он остается еще умственно,

духовно, сердечно совершенным существом. А вот его способность организовывать жизнь в новом для него пространстве равна нулю. Со временем он все больше овладевает внешним миром, при этом сохраняя запас духовного знания, приобретенный до изгнания из рая, до грехопадения. Таким образом, можно сказать, что человек существует как бы в двух планах: как физическое существо, обращенное к внешнему миру, он развивается; как существо духовное, обращенное внутрь себя, пребывает неизменным.

А теперь посмотрим, соответствует ли наш вывод реальному опыту, фактам.

Знаете, когда я еще учился в школе и вообще не был верующим, то очень часто задавался таким вопросом. С одной стороны, вроде бы цивилизация развивается: в XIX веке люди не катались на автомобилях, в XV — не знали огнестрельного оружия, а мы теперь все это знаем. Но, с другой стороны, я вижу, что литературные памятники Древней Греции, например поэмы Гомера, в художественном плане совершенны и ничего прекраснее современные люди

не сочинили, лучшие поэты XX века учатся у античных авторов, а не превосходят их. Точно так же и с философами: Платон остается вершиной философского знания. Конечно, можно идти иным путем, заявлять новые философские идеи, но Платон — это совершенный уровень работы мысли, и выше человек не поднялся ни с Гегелем, ни с Кантом, ни тем более с Карлом Марксом. Или возьмите греческие статуи — совершенная скульптура. Или архитектуру — она до сих пор не вышла из свода художественных законов, в которых существовала и во времена греков, а до них, когда строились храмы Египта. То есть совершенствование, приспособление среды к нуждам человека — постоянно развивающийся процесс, а вот совершенное художественное творчество существовало, наверное, очень давно. В конце XIX века открыли живопись верхнего палеолита — и она тоже оказалась совершенной! Там в основном представлены изображения животных; так вот, оказалось, что по своим художественным качествам они превосходят творчество современных художников-анималистов.

Итак, факты подтверждают существование человека в двух планах. Как духовное существо он совершенен, хотя и может, естественно, деградировать, падать, опускаться; но в своих высочайших подъемах он не развивается, поэтому Гомер, Шекспир, Пушкин, Пастернак — это один уровень, никакого прогресса здесь нет. А вот в плане внешнем человек развивается, все лучше и лучше осваивая среду своего обитания. Но будет большой ошибкой считать внешнее развитие, приспособливание среды под человека всем его бытованием и всей сущностью. Тогда мы ничего не поймем, ошибочно полагая, что наш духовный мир несравненно богаче мира древнего египтянина, грека, да и первых христиан. Это явно не так.

Религия относится к области духовной культуры. Если наше предположение верно, следует далее допустить, что основные религиозные формы, найденные человеком (пусть внешне они и выражены примитивно, так как еще не умели строить храмы и писать книги), внутренне будут очень глубоки. Давайте посмотрим,

какие же формы первыми встречают нас в мире религии. Об этом можно говорить очень много, но я расскажу буквально о нескольких фактах, как бы с передовой линии современной науки в области изучения религии древнего человека.

Думаю, одно то, что человек стал осваивать окружающий мир, уже религиозный факт: не потому человек стал *homo sapiens* и мудрым, что взял орудие, а взял орудие, потому что был мудрый. Это легко понять: ведь орудие надо сделать, а потом научить своего сына. Для этого нужен план, нужна идея. Значит, человек сперва породил идею, а потом ее реализовал — иначе не бывает. Попробуйте что-нибудь смастерить без плана — будете бессмысленно стучать, и у вас, поверьте, даже каменного рубила не получится, не говоря о более совершенных орудиях. Сначала появляется технический замысел, потом реализация. Поэтому сначала должен быть интеллект, потом уже орудие. Итак, не труд сделал из обезьяны человека, а интеллект создал мир орудий. Человек сначала был существом мыслящим, а потом стал производителем орудий. Это первая позиция.

Мы почти ничего не можем сказать о духовной жизни самого древнего доисторического человека, наши данные слишком скудны. Пожалуй, первое открытие, которое позволяет нам строить какие-то гипотезы о его далеко не элементарной религиозной жизни, это находка синантропа (буквально с греческого — «китайского человека»), жившего примерно 500 тысяч лет назад и найденного в 1928–1929 годах неподалеку от Пекина китайским ученым Пэй Вэньчжуном. То существо, которое называют сейчас синантропом, тогда называли питекантропом, обезьяночеловеком; в то время ученые искали так называемое потерянное звено — в духе эволюционной теории конца XVIII века о происхождении человека от обезьяны. Время от времени, найдя ископаемого антропода, ученые объявляли: «Вот переходная форма: в ней поровну обезьяньих и человеческих признаков». Проходило немного времени, и они признавали: «Бесспорно, это не современный человек: у него иной физический облик, анатомическое строение, другой объем мозга, но все-таки это

не обезьяна, а человек». Другой, но человек. Таким другим человеком был синантроп. Объем мозга у него меньше, чем у современных людей, где-то 850–900 кубических сантиметров (против 1600). Он был мал ростом — приблизительно полтора метра; но сказать о нем еще что-то определенное трудно: все эти портреты ужасных мохнатых человечков, которые встречаются в школьных учебниках, бесконечно далеки от действительности. Мы просто не знаем, какими были эти люди: ни кожа, ни шерсть не сохранились. Вот что касается объема мозга, роста, несколько сутулого положения тела — да, об этом можно судить. Был надбровный валик, был затылочный гребень. Но, как сказал крупнейший специалист в области доисторических религий швейцарско-немецкий ученый Карл Нарр, никто еще не подсчитал, какой нужен объем мозга, чтобы знать Бога и любить Его. Это очень глубокие слова.

Итак, в пещерах в пятидесяти километрах от Пекина профессор Пэй Вэньчжун обнаружил остатки древних ископаемых людей. Это было очень интересное открытие:

во-первых, в пещерах был толстый, до полутора метров, слой золы — совершенно ясно, что эти люди использовали огонь. Раньше считалось, что огня не знали долгое время, что это позднейшее изобретение; Пэй Вэньчжун доказал, что 500 тысяч лет назад люди активно пользовались огнем, жарили на нем пищу, обогревали свои пещеры. Забегая вперед, скажу, что теперь мы достоверно знаем, что человек пользовался огнем более миллиона лет назад, а одно из кострищ, найденных в Африке, датируется двумя с половиной миллионами лет. Не исключено, что знание огня не просто очень древнее, но имманентное человеку: он всегда знал, что такое огонь, и умел им пользоваться. Ведь что такое огонь? От него бегут все дикие звери, все животные. И только человек покорил его, научился использовать. Во всяком случае ко времени синантропа огнем овладели весьма хорошо.

Огонь — это не только техническое средство, применяемое, например, для обогрева пещеры. Это удивительная субстанция. Если древний человек имел веру

в Бога, то, естественно, он считал (и был совершенно прав), что Бог бесконечно совершеннее человека, бесконечно далек от грязного мира греха и несовершенства, в который погружен человек. Бог — это небо, человек — это земля. Традиция противопоставлять небо человеку, небесное — земному сохранилась и сейчас: мы говорим, например, о небесных обителях у Бога, прекрасно понимая, что не облако имеется в виду. Небо — это символ, образ. И если человеку надо было сказать, что между ним и его Творцом бездна, то лучшего образа, чем расстояние от земли до неба, он не мог придумать. Как только древние люди начинают говорить понятным для нас языком, символика неба становится символикой Бога. Я подчеркиваю, образ неба — это совсем не то, что физическое небо. Как наши присяжные атеисты говорили: «Вот Гагарин полетел в космос и никого там не нашел»; Гагарин никого там и не мог найти, потому что Бог на самом деле удален от человека не в физическом плане. Наоборот, как раз по физике, по естеству, Бог бесконечно близок человеку. «Царство Божие

внутри вас», — говорит Евангелие. А у мусульман в Коране есть вообще великолепная фраза. Бог говорит: «Я ближе к тебе, чем твоя яремная вена» — то есть та жила, по которой мозг питается кровью.

Но в области духовной между Богом и человеком бездна. Бездна нашего греха. И если человек имел опыт греха, сознавал свою падшесть, то тогда этот *антиномический* образ неба и земли был естественен для него: земля, по которой мы ходим ногами, — и небо, которое сияет над нами, дарит свет и тепло, но остается недостижимым. В небо не полетишь. Огонь — вот единственная субстанция, преодолевающая эту недостижимость: все предметы падают на землю, все органические вещества, разлагаясь, превращаются в землю, один лишь огонь от земли поднимается к небу. Над ним как бы не властна сила земли, сила греха. Именно огонь мог стать — и стал, вы знаете обычаи огненных жертв, всесожжения и так далее — во всем мире, у всех народов средством передачи жертвы с земли на небо. Впоследствии в Ведах огонь так и будет называться: «переносчик жертвы»

(«хавьявахана») — с земли на Небо. Так что использование огня — не чистая физика, а явно некое духовное дело, духовный опыт.

В пещерах под Пекином Пэй Вэньчжун обнаружил в золе очагов человеческие кости. Конечно, те, кто считал древнего человека хуже обезьяны, сразу заявили: «Все понятно: разумеется, они были людоедами — ели и животных, и людей, и все, что под руку попадется». То ли из патриотизма, ведь эти люди были найдены на китайской земле, то ли по каким-то иным причинам, но профессор Пэй Вэньчжун не согласился с точкой зрения, которую высказал научный руководитель экспедиции шведский ученый Бирген, и стал собирать факты, опровергающие идею людоедства.

Факты лежали на поверхности. В золе были найдены отнюдь не мелкие кости, а только верхние части черепа. Не мог же древний человек поедать только кожу с головы: самое вкусное находится в других местах, не правда ли? Значит, это связано во все не с людоедством. Китайский ученый предположил, что мы столкнулись с древним обычаем захоронения, проявлением

культа умерших. Вполне возможно, что синантроп хоронил своих умерших, а их черепа, после распада мягких тканей, хранил в пещерах, чтобы умершие предки были рядом. А может быть, он предавал огню именно головы умерших, чтобы личность человека (понятия головы и личности связаны, не случайно в антропологии известен культ черепа, а не только всего тела) силой огня была перенесена в небесный Божественный мир. Как бы там ни было, дальнейшие исследования скорее подтверждают, нежели опровергают это предположение китайского профессора.

Находки Пэй Вэньчжуна — это, пожалуй, первое свидетельство того, что древнейший человек — не *homo sapiens*, а тот, кого сейчас называют *homo erectus*, человек прямоходящий, а раньше называли питекантропом, — имел религиозную интенцию, устремление. Для более позднего исторического периода мы уже будем знать это наверняка.

Открытие, о котором сейчас пойдет речь, было очень интересным для истории науки. В 1856 году один немецкий учитель, гуляя по долине Неандр (Neandertal по-немецки)